

POLITICAL SATIRE OF REMIZOV AND ZAMJATIN ON THE PAGES OF *PROSTAJA GAZETA*

Horst Lampl

On the third of November 1917, one week after the October Revolution, a small announcement appeared at the very bottom of the last page in the main newspaper of the S.R. party, *Delo naroda*:

На днях в Петрограде выйдет «Простая газета», орган социалистов-революционеров для города и деревни

and:

Редакция приглашает литераторов с.-р., желающих принять участие в газете, на совещание, имеющее состояться сегодня, в 7 часов вечера, в помещении издательства «Революционная Мысль» (Литейный, 22).

There are sufficient grounds to assume that of the many authors generally known to have sympathized at that time with the party of the S.R.'s, Aleksej Remizov and Evgenij Zamjatin were participants in this meeting and played a significant role in the literary program of the newspaper.

* * *

The short-lived and little-known *Prostaja gazeta* began publication on November 8, 1917. Despite its subscription announcement for 1918, published in *Delo naroda* on December 12, in January 1918 only a few numbers more appeared (the last issue indicated by the bibliography "Gazety SSSR 1917-1960" is No. 46 from January 7, 1918). As is evident from the above-mentioned subscription advertisement, the task of *Prostaja gazeta* was "v prostyx i jasnyx slovax soobščat' o sobytijax dnja," appealing thus especially to the poorly-educated, naive reader whom the official party organ, *Delo naroda*, did not reach to the desired extent. In connection with the newspaper's goals, the official, theoretical character of the party organ receded into the background and many feuilletons and literary texts appeared, of which a whole series were sharp political satires. In *Prostaja gazeta*, the theoretical language of the political essay and of ideological party polemic was transformed to a certain extent into the language of literary genres, in particular, the more simple and accessible ones: tales, fable-parables, and folk poetry. The satiric part of the literary texts of *Prostaja gazeta* was devoted to the main political problem of the official branch of the S.R.

Alexej Remizov. Approaches to a Protean Writer / Ed. by G. Slobin. Columbus: Slavica, [1987]. 286 p. (UCLA Slavic Studies; Vol. 16).

party after October: its desperate struggle against the Bolsheviks who had just come to power. In the course of its well-known repressions against the press, the government reacted on November 25 by confiscating the newspaper, after which two issues (according to the original numbering, Nos. 15 and 16) appeared under the name *Novaja prostaja gazeta* (Nos. 1 and 2, November 26 and 28, 1917). Starting with the seventeenth issue on November 30 the newspaper was revived under its original name. *Prostaja gazeta* shared editorial staff and the office with *Delo naroda*; its official editors were the publishers of *Delo naroda*, Sergej Porfir'evič Postnikov, and A. V. Turba.¹ In addition to Postnikov, V. M. Zenzinov, A. Ležnev, and Olga Černova of the staff of *Delo naroda* also published articles in *Prostaja gazeta*. Ja. T. Dedusenko was the official publisher.

Among the more famous literary figures who published in *Prostaja gazeta* under their own names were A. M. Remizov (nothing but previously published legends and tales², except for the very short miniature, "Zagraždennye usta", which without its own title subsequently became part of *Vzvizrennaja Rus'*), E. I. Zamjatin (short satiric tales characteristic of this period of his work),³ Sokolov-Mikitov⁴ and Vjačeslav Šiškov⁵—both of whom were close to Remizov—Esenin,⁶ and A. N. Tolstoj;⁷ Gorkij's publicistic works from *Novaja Žizn'* were republished. Zamjatin placed his tales about *Fita* simultaneously in *Prostaja gazeta* and in *Delo naroda*; as for his story "Tramvaj," *Prostaja gazeta* appears to have been the first place of publication. Apparently the works of Sokolov-Mikitov and A. N. Tolstoj which were placed in *Prostaja gazeta* were not republished later, nor have they become cited in their bibliographies.⁸

Those works by Remizov which were published under his own name were all included with a reference to *Prostaja gazeta* in a handwritten list of his publications, which it seems he kept almost all his life and which has been preserved in his Paris archive. This list—a most valuable source for the compilation of the bibliography of the writer—suffered greatly in places from the passage of time: it is precisely the entries from 1917-1920 which are often unreadable due to the decay of the paper, faded ink, and in some places almost indecipherable handwriting. In spite of these physical deficiencies, it is possible to distinguish in the list still other titles with a reference to *Prostaja gazeta*, namely, "Babin'kin kočet", "Rasprava", and "Slovo srebro—molčanie zlato." These works were published in the newspaper under pseudonyms: Skomorox Terentij, Ivan Kočan,⁹ and Fedor Bublov. Even disregarding the fact that "Slovo srebro—molčanie zlato" is to be found in a slightly altered form under the title "Molčaľnik" in *Vzvizrennaja Rus'*, it would be impossible not to notice that in these texts a number of

characteristic motifs and clearly Remizovian words ("obezjanstvo," "ni proxodu, ni prorysku," "krik i gik," and all the verbosity and garrulity of *skaz*) in and of themselves hint at his authorship. The use of pseudonyms was deemed necessary in light of the particularly anti-Bolshevik orientation of the three works, with Remizov undoubtedly following the advice of his friends.¹⁰ It is interesting, though, that on further examination of *Prostaja gazeta* one of the pseudonyms, Ivan Kočan, is to be found several more times under works which are not on Remizov's list of publications. Even if we keep in mind that the list is incomplete, as is quite possible, the clear stylistic dissimilarity of the remaining Ivan Kočan stories does not allow for unqualified attribution to A. M. Remizov. The writer Ivan Kočan apparently was a "synthetic" personality, reminiscent of the famous Kuz'ma Prutkov of the nineteenth century. Along with Remizov at least one other writer took part in "Kočan," an author of short, extremely laconic, very well-aimed satirical tales, an indisputable master of folk speech stylization with clear irony in regard to the dullness and unconsciousness of the masses who, in their darkness, are spoiling and wasting their newly-found treasure—freedom. In comparing four stories by Ivan Kočan—"Žar-pticu s'jeli," "Bašibuzuki," "Nalim," and "Svin'ja"—with the fables and tales of Zamjatin in his collection *Bolšim detjam skazki*,¹¹ one might conclude with almost complete certainty that they belong to him. The collaboration of Zamjatin and Remizov in the short-lived creation of Ivan Kočan seems completely believable, even without mentioning the close personal and creative relationship between them after Zamjatin's return from England, in view of the fact that both writers were responsible for a significant part of the nonpolitical literature in the newspaper. There are also grounds for suggesting that it was Zamjatin who persuaded Remizov to contribute to *Prostaja gazeta*.

The remaining two works of Ivan Kočan ("Sultan" and "Maksimyc"), which are connected by the figure of the "d'jačok iz bogadel'ni," may belong to still a third person, but there is some basis for assigning them to Remizov, although they are not included in his list of works. "Sultan" was printed immediately after "Rasprava," and reflects a closeness to Remizov's prose in very characteristic phrases ("tak i točit glazom," "čtoby takoe sovrať," "i donos, i kljauza, i nedoxvat," "s obez'anej pečat'ju"). In regard to literary quality one can certainly say that Remizov's Kočan works clearly are inferior to Zamjatin's; they are less finished and less tensely plotted. In comparison with Zamjatin's, they do not possess a clear-cut, lucidly expressed ending. The majority of the Ivan Kočan stories are united by the general heading "Katušok," like "Kočan" calling up associations with village life:¹² the satiric stories and sketches of Kočan represent the "hutch" ("katux") of

Prostaja gazeta.

Along with the works already mentioned, there are still other "literary" texts with a satiric content published in the newspaper under pseudonyms, but it would be hard to assign them to Remizov or Zamjatin. Ivan Kočan's comrades were L. Kormčy ([trans. note—helmsman], with an allegorical tale, "Goremyčnaja," and a story, "Lixoimec"), Sergej Skrytnik (secretive or reticent), Masterovoj (workman) (with a tale, "Ubogie"), and Savka Bez-zemelny (landless); perhaps the editors who usually published satires in *Delo naroda* were concealed behind them. To a certain extent they not infrequently imitate Remizov, as did other authors of this time. The chosen pseudonyms bring to mind those addressed by *Prostaja gazeta*: the simple, especially village population which had to be agitated for the S.R. cause.

As far as Remizov is concerned, the satiric texts in *Prostaja gazeta* were not his only "political" works of this period. "Akakij Bašmačkin," which was printed in *Delo naroda* (December 15, 1917) and is directly connected to the satiric texts, is the story of how under the Bolsheviks Gogol's Akakij Bašmačkin, "the little man," who up until then had never in his life thought of disobedience and rebellion, decides to go on strike.¹³ As can be seen, the story concerns, and even is, a call for strikes by clerks; under the title of "Sabotaž" it subsequently became part of *Vzvizrennaja Rus'* (pp. 236-237). The text appeared under Remizov's own name, like his satiric "skazočki" "Kommi-ssar" and "Idolišče poganoe" in the newspaper *Večernij zvon* (December 27, 1917). *Večernij zvon*, which was issued beginning in December 1917, was perhaps an even more ephemeral periodical than *Prostaja gazeta*; to it contributed the Merežkovskijs, Teffi, Ariadna Tyrkova, and Sologub.¹⁴

Several of Remizov's works, apparently never reprinted, which are mentioned in his list of publications with a reference to their appearance in other opposition newspapers at the end of 1917 and the beginning of 1918, have proved to be inaccessible. In question are the following titles:

"Čto nam za naš grex vyjdet?," (*Volja naroda*, 1917, No. 196.)

"Ošibka," (*Volja naroda*, 1917, No. 202.)

"Mať presvjataja" (*Pri[zvy] k Učredit[e]l'nomu] sob[raniju] [?]*, 1917).

"Bezumnoe molčanie" (*Večernij zvon*, 1918, No. 23, January 5).

"Slovo k materi-zemle" (*Volja strany*, 1918, No. 16, February 16).

It is difficult to judge by the titles to what extent these works also belong to the category of political satire. As is generally known, Remizov's engagéd political works of these years are two-faceted: along with the satires can be found works which are particularly lyrical and emotional with a pathos of lament for the destruction and end of Russia. To these belong the well-

known prose *poëma* "Slovo o pogibeli Russkoj Zemli," which was already written by October 5, 1917,¹⁵ the poem "Plač,"¹⁶ "Neugasimye ogni" in its first edition,¹⁷ and "Zapovednoe slovo russkomu narodu."¹⁸ Topical politics of the revolutionary year entered, finally, into one of the most significant works of this time, "Vseobščee vosstanie," which constitutes the major portion of *Vzvizrennaja Rus'*, but there, however, the narrator is limited to the role of witness and chronicler.

* * * * *

Below are reprinted in chronological order Remizov's and Zamjatin's satiric works which appeared in *Prostaja gazeta* and the newspaper *Večernij zvon* between November 24 and December 27, 1917; those which became part of *Vzvizrennaja Rus'* are also included in view of some differences in their editions. This publication is probably incomplete since one or another of the above-mentioned works, inaccessible at the present time, may belong here, as well as others which possibly were not entered at all in Remizov's list of publications.

All the reprinted texts are distinguished by their clear aim at the poorly educated reader, which explains the frequent use of popular expressions and the abundance of nonliterary and regional words. In the tales and parables ascribed to Zamjatin, what is characteristic is the utmost conciseness and terseness of the style, the visualness and pedagogical persuasiveness of the allegory, which together with the comicalness of the situation and the short generalizing conclusion make a work such as "Nalim," in this critic's opinion, a true small masterpiece. At the center of Zamjatin's satires is the thoughtlessness and casualness with which a country, caught in the quarrel of political parties, is destroying and losing its newly won freedom. In comparison with the more general, "philosophical" parables of Zamjatin (with the exception of "Bašibuzuki"), Remizov's more concrete satiric works are directed at topical political events and conditions after October. With "Babin'kin kočet" Remizov takes part in the general polemic against Lunačarskij using the asyllabic "skomoroš'i virši" of folk poetry.¹⁹ He depicts Lunačarskij as a self-satisfied rooster, not quite sure of his movements and actions, that perhaps conflicts with their long-standing acquaintance made in Vologda and with the assistance Lunačarskij rendered Remizov in the difficult years of the civil war (according to Remizov's own testimony).²⁰

The tale "Rasprava" apparently was written immediately after the government decree closing the courts;²¹ not accidentally in the same issue of *Prostaja gazeta* Remizov reprinted his tale "Pravednyj suđja." The story "Sul-

tan," in which is found the brilliantly connotative characterizing name "Načhal-paša" (Trans. note: The name "Načhal-paša" includes the name of a Turkish pasha and the past tense of the Russian verb *načhat'* 'to sneeze'.) is devoted to the growth of rumors in an atmosphere of general uncertainty, "Maksimyč" exemplifies how the new rulers are made fools of in connection with strikes. Characteristic in the tale "Slovo srebro — molčanie zlato" is the depiction of the Bolsheviks as, above all, noisemakers and braggarts: instead of Blok's music of the Revolution, Remizov in 1917 heard one inhuman "obežjanij gik."²² In "Skazočki" in the newspaper *Večernij zvon*, the recent political fate of Russia is discussed with the help of formulas and images from folk poetry and *byliny*; the sense of the tales is that with the October Revolution the country, which in its history had already suffered greatly from misfortune, had fallen finally from the frying pan into the fire.

The technical quality of the printing in the preserved issues of *Prostaja gazeta* is so unsatisfactory that some typographically spoiled words have become illegible. The texts have been reset in the new orthography with the exception of Remizov's word "commi-ssar"; possible misprints are preserved.

BIBLIOGRAPHIC SURVEY

1. Ivan Kočan [E. I. Zamjatin?]: "Katušok. Žar-pticu s'jeli," *Prostaja gazeta*, November 24, 1917, No. 14, p. 3.
2. Ivan Kočan [E. I. Zamjatin?]: "Bašibuzuki," *Novaja prostaja gazeta*, November 26, 1917, No. 1, p. 4.
3. Ivan Kočan [E. I. Zamjatin?]: "Katušok. Nalim," *Prostaja gazeta*, November 30, 1917, No. 17, p. 3.
4. Skomorox Terentij [A. M. Remizov]: "Skomoroši ljasy. Babin'kin kočet (Kommissaru prosvetitel'nomu)," *Ibid*, p. 3.
5. Ivan Kočan [A. M. Remizov]: "Katušok. Rasprava." *Prostaja gazeta*, December 2, 1917, No. 19, p. 3.
6. Ivan Kočan [A. M. Remizov?]: "(Katušok). Sultan", *Ibid*, p. 3.
7. A. Remizov, "Zagraždennye usta," *Prostaja gazeta*, December, 3, 1917, No. 20, p. 3.
8. Fedor Bublov [A. M. Remizov]: "Slovo srebro—molčanie zlato", *Ibid*, p. 3.
9. Ivan Kočan [E. I. Zamjatin?]: "Katušok. Svin'ja," *Prostaja gazeta*, December 7, 1917, No. 23, p. 3.
10. Ivan Kočan [A. M. Remizov?]: "Maksimyč," *Prostaja gazeta*, December 24, 1917, No. 38, p. 3.
11. A. Remizov, "Skazočki. 1. Kommi-ssar. 2. Idolišče poganoje," *Večernij zvon*, December 27, 1917, No. 16, p. 4.

*Иван Кочан: Катушók. Жар-птицу съели.*²³

Досталась людям жар-птица. Собрались люди на птицу смотреть,
— глазу не вытерпеть, такая жар-птица.

Какой-то мигал, мигал:

— Чего глядеть, — хрипит: — съедим!

Закричали другие:

— А ну, ребята, кто ловкач, головы вывертывать!

Ловкачи тут как тут. Голову свернули, золотые перья повыщипали,
— уж не жар-птица, — лежит петух драный.

Жар-птицу съели.

*Иван Кочан: Башибузуки.*²⁴

Пожаловали ночью в газету нашу Башибузуки, бумашкой тыкут:

— По приказу его величества царя Фиты²⁵ „Простую газету“
закрыть!

— Эх, — говорю, — вы-бы пораньше, работа зря сгубла!

А главный ихний, — лицо, что коровье вымя, — хрипит: — Чего
разговаривать. Фита распорядился, должны выполнить!

Мой товарищ не стерпел:

— Ну, а если мы на Фиту плюнем и газету выпустим?

Заскулилось, сморщилось Коровье вымя:

— Не допустим!

— Пушку поставите?

— Поставим!

Ну тут делать нечего: на рогатину не пойдешь.

„Простая газета“ в субботу не вышла.

Иван Кочан: Катушók. Налим.

Растяпилась корчага,²⁶ — ни рукой подвести, ни багром. Под корчагой налим.

Пала вода, свихнуло корчагу. Лежит налим, что на блюдечке, — на камушках.

Подсучились человеки налима ловить. И уж зажабрили, да спор между ними зашел: кому уху есть.

С берега кричат:

— Под зебры его, держи под зебры.

А какое там „под зебры“, — вильнул прощалом, — и нету, разве в руках склизко: корчаги нет и налима нет. Бежит вода по камушкам, да рак задом тулится.

Так-то свобода.

Скоморох Терентий: Скоморошьи лясы. Бабинькин кочет (Комиссару просветительному).

Эй, вы люди честные, тараканы запечные, выходите сюда послушать не быть, не сказку неведомую, а и не ложь.

— Не тем отдает! —

Завелась на Руси такая [неразборч.]

да язык у него очень потешен,

больно уж ладно подвешен:

говорит, неумолкая,

и ни в чем не унывая.

Говорит он о чем хочешь:

сегодня о христианстве,

завтра об обезьянстве, —

сегодня убажывает,

а завтра хобот выставляет.

И грозит и хлопочет,

все попасть в точку хочет,

да никак не удастся,

все мимо, да мимо суется.

Знай себе без толку тарахтит,

неведомо что говорит.

А вокруг него народ все чудак:

каждому его слову хлопают,

да еще и ногами топают.

Чем меньше понимают,

тем больше его уважают.

А он, дурак, этому и рад:

„Я, говорит, всех вас выше вознесу,

просвещение вам несу!“ — —

И весь-то он день хлопочет,

суется, ровно бабинькин кочет.

— А не пора ли ему, братцы, дергача задавать!

Иван Кочан: Катуюбок. Расправа.

Жил-был судья Наум, законник. Всю он жизнь прожил среди законов, а на столе у него стояла такая коробка — суд.

Опаско было под Наумом, да по крайности надежный и сам не стащишь — в острог дорога, да и другому не повадно. Наумыч по суду, всякую безделицу взыщет и под наказание поставит.

И прослышали умники — от них нынче, что от воров, ни проходу ни прорыску — что не просто Наум взял, надел цепь, и потому судья,

— а потому Наум судья, что долго учился, и надо долго учиться, чтобы судьей быть.

И говорят умники:

— Зачем, товарищи, этот суд, никакого суда не нужно!

А тут какой-то воришка схватил со стола Наумову коробку, да бух в печку.

И сгорел суд.

Только суд и видели.

А Наумыча для острастки на его ж цепи тут же, как свинью — урра! — и растянули.

— Нам суда никакого не нужно!

И с той поры пошел на Руси не суд, а расправа.

Как Бог на душу положит: человек ты или обезьяна (те, что попроще, ведут свой род от Адама, как всякий знает, а что покрякливей, те от обезьяны) обезьяна или человек, виновен или не виновен, все равно — бац в морду, а то и зубы вылетят, а бывает и покруче, — знай наших!

Иван Кочан: [Катушóк]. Султан.

Хожу я в лавочку картошку покупать.

Лавочник меня, как ведуна какого, встречает, словно я на три года вперед все знаю.

— Что новенького? — так и точит глазом.

— Что новенького? Сам ничего не знаю.

— Ну-у? — не унимается, — знаете, да сказать не хотите.

Эх, думаю, чтобы такое соврать, — отвязаться.

А вот:

— В Калуге, — говорю, — султан турецкий объявился, Начхал-паша.

У лавочника рот шире решета растянуло:

— Что вы говорите, султан?

Я глазом не поведу:

— Султан! С турецкой гвардией, все в колпаках красных.

Подмаргивает лавочник: не вру ли? И, отвечивая картошку, ахает на все лады. Вижу, что в серьез поверил.

— Эка, — думаю, — дураков Бог породил.

Живу я с дьячком из богадельни, — хороший человек Федор Назарыч. Пока по своему делу газетному гоняю, он мне и кашу сварит, и картошку испечет.

Вчера подходит он, весь как-то даже перегнулся.

— Слыхали?

— Что такое?

— Как же! В Каире султан турецкий с войском. Головы нашим рубит.

Смотрю на Назарыча: в серьез говорит, верит.

Шибко нынче брех²⁷ ходит.

*А. Ремизов: Загражденные уста.*²⁸

Видел я на старых иконах образ Иоанна Богослова: пишется Бого-словец с перстом на устах. Этот перст на устах — знак молчания. И этот знак заграждающий прошел в душу народную.

*Федор Бублов: Слово — серебро—молчание злато.*²⁹

Не все на Руси крикуны и оралы и не всякий падох на крик и гик. Сказать о русском человеке, будто крикливым словом взять его можно с душой и сапогами, это неверно.

Бог миловал, сохранил еще крепь и не одна только сволочь сидит по городам и на земле русской.

Помню, скоро после восстания приехал ко мне Жегулев Федор Назарыч, солдат с фронта — большой молчальник, слова не выжмешь.

— Какими, — говорю, — судьбами, Назарыч?

— Выбран делегатом в совет.

Ушам не верю.

— Кто выбрал?

— Шестнадцать тысяч за меня, как один. Вот и послали.

И рассказал мне Назарыч, как на собрании у них первыми крикуны повыскакивали и стали бахвалиться: кто чего может, — а он, Назарыч, молчком сидит, и только потом обмолвился, что, мол, зряшное это все бахвальство-то и горлом дела не сделаешь. И как стали выбирать, крикунов-то в шею, а его на атаманское место.

„Ну, слава Богу, — подумал я, — еще жива душа в русском народе, коли Назарыча послали.“

Назарыч — большой молчальник и, коли скажет, с толком скажет, и от слова его путь будет, не даст народ в обиду.

Скажу уж, что вышло: не к месту у нас пришелся Назарыч, заорали, закричали его крикуны наши, оралы наши, и молчальник ни с чем назад уехал.

Иван Кочан: Катушók. Свинья.

Ходит свинья по базару, — тот шпынет, этот толкнет.

Около поповых ворот потолкуй сошелся:

— Я! — горланит какой-то лизаный, — моя правда!

Цыган кнутом помахивает:

— Лопни глаза мои, я нашел.

Тут же старичок сладенький:

— Правда? Хи, хи! Правду эту я из-за моря привез.

Под ногами у людей котомочка истоптана — *правда*, — не велика, а не свернешь.

— Гы, — думает свинья, — должно, о помоях!

Охрип кричавши цыган. Выдохся и старичок сладенький.

А котомки нет: свинья сожрала.

Сожрала свинья правду, на поповом дворе горой развалилась.

Иван Кочан: Максимыч.

Сожителю моему, Федору Максимычу, точно иглу вставили: только и дома, что ночью.

— Чуть жив! — квакнет, и опять его нет.

Служит Максимыч в земледелии экзекутором, а главное его: — дьячек. В мясоед Максимыч оженился. И, вместе с подвенечным пришла к нему недоля.

Венчались в богадельной церкви. Все девяносто шесть старух — богаделок вышли смотреть на дьячкову свадьбу.

Тут и началось.

Не зажглась люстра: — кто-то на-зло подкрутил винтик.

И пошла беда за бедой: и донос, и клеюза, и недостаток.

Когда подошли нынешние дни, и чиновники забастовали, — Максимыч был избран казначеем. И вот дадена ему задача: выудить из банка жалование забастовщикам.

— Кто таков? — спрашивают в банке.

А Максимыч, — так его и вижу, — откуда взялось: — Я, — кричит, — и есть самый комиссар!

И — бумажку, а бумажка незаконная, с обезьяньей печатью.

Напугал дураков: выдали деньги, тридцать тысяч.

И уж через два дня спохватились: какой такой Максимов — комиссар?

Утром будит меня Максимыч:

— Уезжаю! — и пропал.

Теперь каждый день у меня незваные. Пишу это, и знаю, уж сидят, ждут Максимыча.

Швейцарь Дмитрий рассказывает:

— Всю лестницу окричали, остучали: где Максимов, где саботажник!

А мальчишка с револьвером: „только, — говорит, — увижу, — на месте убью!“

А. Ремизов: Сказочки.

I. Комми-ссар.

В некотором царстве, в некотором государстве случилась такая завороха. Издавна цари в нем правили, и переходил престол от отца к сыну, а потом к внуку, а последний царь не будь плох, взял да и ушел, — просто махнул рукой: „Ну, мол, вас, непутевые!“

И осталось то царство без начала.

Тут дьяк Болтунов, что при царе орудовал, и выскочил:

— Я, мол, товарищи, справлюсь!

Наговорил дьяк с три короба, все комнаты и даже чистое поле обкричал — просто гул в ушах стоит, а справить ничего не справил, еще больше запутал. И как увидал, что дело плохо, прикусил язык и тоже куда-то скрылся.

И осталось опять царство без всякого начала.

Стал народ думать-гадать, чего бы такого придумать и без начала концы уберечь. И решили так: у одних отнять а другим дать, чтобы, значит, поровну у всех было.

И сейчас же все переделали.

Глядь, — что за пропасть! — у одного опять много, а у других — ничего.

Ну, и толкутся на площади и уж песен своих не орут, только семечки полушцают. А приходят в это царство и прямо в самую [неразб] гущу двое и с ними третье.

— Мы, — говорят, — поможем, только дайте нам сделать по своему.

— А вы кто такое?

— Да мы ваши — прилоги. А это наш подручный — Бабинькин кочет.

— Бабинькин кочет! — все загалдели, всякому в диковинку: прилоги и кочет! — а как вы орудовать будете?

— Очень просто, — говорят прилоги, — мы орудовать будем: все у нас будет по новому, как по старому, и по старому, как по новому. Теперь министры, а у нас будут комиссары.

— Комиссары! — и опять загалдели: слово-то очень, — словцо!

— Комиссар просвещения — Бабинькин кочет!

А тот, как услышал свою кличку, и ну кланяться — умора!

У вас коллеги, а у нас будут советы. А, главное, чтобы все было

без всякого аза. И чем меньше который свое дело знает, тем лучше он не только дело сделает, а и других научит, потому что ему все триньтрава. И все вы останетесь свободны.

— Ну, что ж, вам и книги в руки, действуйте!

И разошелся народ по своим конурам и норам.

А они, голубчики, и задействовали.

— Первым делом, давайте, — говорят, — нам денег больше!

Известно, было бы масло, а пирог жирный всякая Матрена тебе сготовит.

Призамаялся народ: что-то не больно охота денег-то давать, да и кто же их знает!

— Не хотите? Ладно. Все равно, наше будет. Такое мы найдем средство, никому и в голову не придет.

И откуда ни возьмись тридцать и три молодца, и сейчас же замок без ключа отперли — этому они еще в Сибири научились! — и делу крышка.

А как выгреблись сундуки, да попустели подголовники, и развелось по всей стране комиссаров, — Господи! что точно и народу-то меньше, чем этих комиссаров.

Только еще по утру глаз продерешь, а уж перед тобой комиссар: декрет! И точно, никому и в голову такое не придет: вплоть до самого зачатия национализация и реквизиция! Ни [неразборч.], ни дыхнут — вот как! А за стол сел полудновать, и опять комиссар: „Давай половину!“ Ну, Бог с ним, встанешь из-за стола впроголодь, и только что из двора, а у ворот комиссар: „Снимай пальто!“

Такое стало, братцы, житье свободное, да привольное, хоть святых под выноси. Закряхтел народ — надоело это ему до невозможности, — да уж поздно: снявши голову, по волосам не плачут.

II. *Идолице поганое.*

Жили мы были не по добру, по худому: ни тебе сыти, ни тебе покоя. Чего там! — день намаешься, а придешь домой, дома холод, и жрать нечего.

Тут какой-то ни ввернись, горе-горькое:

— Чего, — говорит, — товарищи, голову повесили? Понапритесь, да орите, прилетит на наш гик соловей. Соловей-Разбойничек, усядется на дуб, засвистит на всю Русь крещеную, и дело будет великое: будет мир, будет хлеб, будет воля вольная.

Жили мы не по хорошему, ну от худа да беды и поверили.

И доорались, надорвались: пришло . . .

Дождались, — пришло: засел на дубу, да не Соловей, не Разбойничек, а Идолище. И с ним растопыры его, вошь острожная.

— Э-эй, вы! рыла свинячьи, — зычит поганое, — целуй меня в пятку!

А те, как бесы-пахмутчики, налетят, наскочат.

— Хочешь мира?

— Очень.

— Вот тебе мир.

Да на шею тебе.

— Хочешь хлеба?

— Хлеба!

— Вот тебе хлеб.

Да по шее.

— Хочешь воли?

— Э-эй вы! рыла свинячьи, целуй меня в пятку!

Жили мы не по хорошему, а теперь — теперь совсем хорошо.

NOTES

1. See Oliver H. Radkey, *The Agrarian Foes of Bolshevism. Promise and Default of the Russian Socialist Revolutionaries February to October 1917*, (New York, 1958), p. 441.

2. "Strax smerti" (subsequently "Kon' i lev"), No. 1, November 8, p. 2; "Serdečnaja," No. 2, November 9, p. 3; "Nesčastnaja," No. 3, November 10, p. 2; "Xlebnyj golos," No. 7, November 15, p. 2; "Otčajannaja," No. 8, November 16, p. 2; "Serdečne oči," No. 13, November 23, p. 2; "Jablonka," *Novaja prostaja gazeta*, No. 1, November 26, p. 2; "Nikola Ugodnik," No. 2, November 28, p. 2; "Pravednyj sud'ja," No. 19, December 2, p. 2.

3. "Skazka pro Fitu," No. 1, November 8, p. 2-3; "Dejanija Fity," No. 7, November 15, p. 2; "Tramvaj," No. 13, November 23, p. 2; "D'jačok," No. 14, November 24, p. 3; "Četverg," No. 28, December 13, p. 3; "Petka (Drjan'-mafčiška)," No. 38, December 24, p. 1.

4. "Čeloveki," *Novaja prostaja gazeta*, No. 1, November 26, p. 3; "Žut," No. 38, December 24, p. 2.

5. "Medvežja smert'," No. 31, December 16, p. 3.

6. "Zapeli tesanye drogi," No. 3, November 10, p. 2.

7. "Pravda. Pritča," No. 17, November 30, p. 2.

8. Cf. *Russkie sovetskie pisateli-prozaiki. Bibliografičeskij ukazatel'* (Leningrad-Moscow, 1959-1970). Šiškov's "Medvežja smert'" possibly corresponds to a work entitled "Medved'" in *Rossija v slove* of December 24, 1917 (*Russkie sovetskie pisateli-prozaiki*, vol. 6/1, p. 202).

9. A "characterizing" name as are almost all the rest of the pseudonyms in the newspaper. The word "kočan" means a head of cabbage.

10. Remizov used pseudonyms at the very beginning of his career, during the revolution, and later in emigration when, under the pseudonyms "Vasilij Kukovnikov" and "Semen Sudak," he publicized the writer, and in particular the writer-artist, Remizov. Not one of Remizov's pseudonyms is mentioned in Masanov's dictionary.

11. Evgenij Zamjatin, *Bošim detjam skazki* (Berlin: Gržebn, 1922).

12. In various dialects "katux" means "a shed for small livestock, especially calves and swine" and "the place under a bench in a peasant hut where chicken are kept" (Dař).

13. A. Remizov, "Akakij Bašmačkin," *Delo naroda*, December 15, 1917, No. 233, p. 2.

14. Sologub published the following works in *Večernij zvon*: "Ozorstvo," No. 4, December 9, p. 3; "Kto že oni?," No. 13, December 20, p. 3; "Zolotoj disk. (Dobroj zime o zlom lete)," No. 17, December 18, p. 3.

15. A. Remizov, "Slovo o pogibeli Russkoj Zemli," *Skify*, 2, 1918, pp. 194-200, later in the book *Ognennaja Rossija*, Revel', 1921, pp. 7-24, and *Vzvizrennaja Rus'*, Paris, 1927, pp. 180-189. According to the list of publications, "Slovo o pogibeli" first appeared in *Volja narodnja* (*Rossija v slove*), No. 1, November 28, 1917.

16. A. Remizov, "Plač," *Novyj večernij čas*, March 19, 1918, No. 37, p. 3.

17. A. Remizov, "Neugasimye ogni," *Delo naroda*, April 7, 1918, No. 13, p. 2.

18. A. Remizov, "Zapovednoe slovo russkomu narodu," *Eženedel'nik Volja naroda*, April 12, 1918, No. 1, pp. 17-19 (in the literary section "Rossija v slove" edited by M. Prišvin; also in the newspapers *Rannee utro*, April 16, 1918, No. 65, p. 1, and *Počta večernjaja*, May 17, 1918, No. 14, p. 3).

19. Of the Bolshevik political figures, Lunačarskij as People's Commissar of Education had the most to do with literature and art, and for this reason was a favorite target of the opposition writers. The attacks on him became especially strong after a meeting with Ieronim Jasinskij, who offered his literary services, and whom Lunačarskij rather unsuccessfully lauded for this in an essay, "Sretenie," in *Izvestija* (cf. N. A. Trifonov, *A. V. Lunačarskij i sovetskaja literatura*, Moscow, 1974, p. 155). Several times *Delo naroda* published fierce attacks on Lunačarskij.

20. A. Remizov, *Iveren'*, Paris Archive, p. 225.

21. Compare with this the report "V sudebnyx ustanovlenijax," *Delo naroda*, No. 223, December 3, 1917, p. 4.

22. A leitmotif of the "Scythian" edition of "Slovo o pogibeli."

23. The motif of a blindingly bright firebird can be found in the last tale about Fita, written at about the same time (*Bošim detjam skazki*, p. 44).

24. "Bašibuzuki" are Turkish irregular infantry. «В полной мере проявили они свои разбойничьи наклонности в последнюю русско-турецкую войну 1877-1878 гг., так что имя баши-бузуков стало нарицательным для характеристики человека, способного на самое возмутительное, по своей жестокости, насилие» (*Enciklopedičeskij slovar' Brokgauz-Efron*).

25. Zamjatin's tales about Fita (*Bošim detjam skazki*, pp. 36-46) are a brilliant satire on the dictatorial bureaucratism of the new rulers. Shane's opinion that Zamjatin had Lenin in mind for the figure of Fita, who "spontaneously" arises, feeds on ink, and governs the country with the help of nonsensical decrees, is strengthened by the mention of Fita in "Bašibuzuki"; See: Alex M. Shane, *The Life and Works of Evgenij Zamjatin* (Berkeley-Los Angeles, 1968), p. 20, and Leonore Scheffler, *Evgenij Zamjatin. Sein Weltbild und seine literarische Thematik*. (Köln-Wien, 1984), p. 204.

26. "A large clay pot", in the Orenburg dialect "a fishing trap resembling such a pot" (Dař).

27. A modification of the well-known saying "Šibko nynče grex xodit."

28. This paragraph, printed here as an independent "miniature," is to be found as a statement of I. A. Rjazanovskij in the chapter "O mire vsego mira" in *Vzvizrennaja Rus'*; See: A. Remizov, *Vzvizrennaja Rus'* (Paris, 1927), p. 68.

29. In a slightly changed redaction the text became part of *Vzvizrennaja Rus'* ("Molčaľnik," pp. 77-78). Instead of Fedor Nazaryč, here the hero of the story is I. S. Sokolov-Mikitov, one of Remizov's "disciples" at that time. Sokolov-Mikitov often visited him, and in the summer of 1918 the Remizovs stayed a while at Sokolov-Mikitov's native estate.